

жизнь окрестил сто детей, попадет в рай. На Украине и в России верят, что крестники на «том свете» будут защищать своих крестных от чертей, а крестные – в свою очередь – своих крестников. Кумовьев меняют только в том случае, если дети в семье умирают один за другим, когда рождаются только дочери или у самого кума нет детей. Родители приглашают в крестные первого встречного на дороге, на перекрестке или у церкви.

Кумовство создает нерасторжимые связи и между крестными родителями и крестниками, и между кумами. Сексуальные отношения между ними строго запрещены. Нарушение этого запрета считается тяжким грехом, который отразится на здоровье крестника. При этом мотив такой грешной связи между кумовьями постоянно возникает в фольклоре. Так, известны многочисленные предания о возникновении «кумовых» озер на месте, где согреши-

ли кумовья, о превращении кумовьев в камни. Мотив запретной любви постоянно встречается и в песнях, исполняемых у восточных славян на крестинах. Кум в этих текстах превращается в цветущую рожь, а кума – в калину [12, с. 261–262]. Как видим, в сказочной традиции также частотны ситуации, в которых кумовья либо вместе устраивают различные каверзы другим героям сказки, либо обманывают друг друга.

Таким образом, концепт «крещение» в русской народной сказке реализуется при посредстве лексических средств, обозначающих различные связанные с обрядом крещения реалии. Наибольшее развитие получает сценарий, связанный с ролью крестных родителей в жизни крестника и отношениями кумов. При этом в сказке отражаются народные традиции, приметы и т.д., имеющие отношение к институту кумовства.

Литература

1. Кусков В.В. Православие в жизни русского народа // Русская духовная культура. М., 1995.
2. Русский православный обряд крещения. М., 1996.
3. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. М., 2002.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
5. Крючкова Н.В. Концепты возраста (на материале русского и французского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
6. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. Волгоград, 2003.
7. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М., 2001.
8. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1967.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1998.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. М., 1999.
12. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002.

Л.Г. Ефанова

ОЦЕНКА ТЕРПЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ НОРМЫ И ИДЕАЛА

Томский государственный педагогический университет

Терпение принято считать одной из национальных черт русского народа. В этом качестве терпение может получать как безусловно положительную (напр.: *ангельское терпение, материнское терпение*), так и негативную оценку (напр.: *рабское терпение, тупое терпение*), причем противоположные оценки могут быть присвоены разными наблюдателями одной и той же ситуации. В статье мы ставим перед собой цель выявить причины столь разных оценок явления, обозначенного словом *терпение*, и на основании данных языка определить сложившееся в русском социуме отношение к названному этим словом понятию.

С точки зрения носителей современного русского языка, *терпение* и *терпеливость* представляют собой «способность человека, подвергающегося воздействию неблагоприятных факторов, которые выводят его из внутреннего равновесия или причиняют ему физическую боль, постоянным усилием воли сохранять контроль над своим поведением» [1, с. 438], способность «стойко и безропотно переносить, сносить что-л.» [2].

В ситуации, обозначенной словом *терпеть*, всегда участвуют две стороны: субъект терпения и некая сила, оказывающая отрицательное воздействие на его физические и/или психические стороны.

При этом субъект терпения по какой-то причине не может или не хочет избежать контакта с источником неблагоприятного воздействия; даже если такая возможность имеется и именно к такому исходу человека вынуждают обстоятельства, этот выход (например, самоубийство) представляется субъекту терпения неприемлемым (напр.: *Живому нет в земле места, а на небо крыл; Сколько ни вертеться, а некуда деться: на небо высоко, в воду глубоко*). Таким образом, терпение может быть охарактеризовано как способность человека не реагировать (по крайней мере, внешне) на воздействие неблагоприятных обстоятельств именно таким образом, какой предполагают эти обстоятельства. Не устраняя воздействия негативных факторов, «но и не желая терять внутреннее равновесие, субъект их терпит, т.е. прилагает усилия для того, чтобы вести себя так, как если бы этих факторов не было» [там же]. При такой трактовке терпение предстает не столько как способность контролировать свое поведение в сложных ситуациях (как, например, выдержка), сколько как внутренняя сила субъекта, делающая его способным противостоять неблагоприятному воздействию.

В сознании носителей русского языка понятие терпения, как и понятие силы, связывается с представлениями о некоторой субстанции, которой можно *запасться, набраться* заранее, *накопить* в определенном количестве, однако этот ресурс может *истощиться, кончиться, иссякнуть*, его может *хватать* или *не хватать*, быть *много* или *мало*. В свою очередь, синонимия слов *терпеть* и *выносить* указывает на то, что действие силы, обозначенной словом *терпение*, сопоставимо с перемещением тяжести, которую субъект должен самостоятельно *вынести, снести, перенести*. В то же время, поскольку действие этой силы незаметно внешнему наблюдателю, терпение предстает для него как состояние, из которого субъект может *выйти* под воздействием внешних сил или из которого его можно *вывести*.

В целом действие терпения может быть представлено как внутренняя работа субъекта по нейтрализации собственной негативной реакции на воздействие неблагоприятных факторов. Цель такой работы иногда видят в сохранении субъектом терпения, самоконтроля [1, с. 438], однако это определение цели не выявляет причин, побуждающих субъекта к противостоянию. Мы полагаем, что такой причиной может быть не только и не столько желание человека сохранить внутреннее равновесие вопреки мешающим этому факторам, сколько ориентированность субъекта терпения на соблюдение собственной целостности в условиях разрушающего воздействия неблагоприятных обстоятельств.

Целостность, которую стремится сохранить субъект терпения, может быть внешней, физической (напр.: *Пациент терпел сильную боль, но не соглашался на операцию*), психологической, предполагающей сохранение внутреннего равновесия (ср.: *выйти из терпения* и *выйти из себя*), а также мировоззренческой (идеологической). В последнем случае субъект терпения стремится сохранить имеющиеся у него представления о нормах и идеалах, на разрушение которых прямо или косвенно направлено негативное воздействие, и вести себя в соответствии с этими представлениями. Причинами, побуждающими субъекта терпения противостоять негативным воздействиям, может быть его стремление соответствовать определенным нормам поведения (напр.: *Она долго надеялась терпением и непосильным трудом снискать милость мачехи* (И. Бунин)) или же этическим идеалам (напр.: *Не будь у человека такого терпения, все добрые люди давно бы уже погибли на свете и остались бы злые и бездушные* (А. и Б. Стругацкие), а также представления об идеальном состоянии какого-либо одного, важного для субъекта терпения объекта; так, например, *материнское терпение* основывается на любви к своему ребенку и на идеальных представлениях о том, каков он есть и каким станет (может стать) в будущем.

Следует отметить, что, по-видимому, первым, кто выявил связь между терпением и идеалом, был Платон. *Терпеливость* (carteria) Платон определял как «выносливость в печали во имя прекрасного», а также как «выносливость в трудах во имя прекрасного» [3, с. 429], причем прекрасное характеризуется им не как эстетическое понятие, а как вообще благо, благо же, в свою очередь, представляет собой «то, что существует ради него самого» [там же, с. 433, 430], т.е. как идеал.

Отношение к терпению варьировалось в разных культурах, отражая идеологию, существующую в том или ином социуме. Так, например, в античных (языческих) обществах терпение считалось уделом слабых и побежденных (*рабское терпение*). Необходимость терпеть навязывалась человеку обстоятельствами, которые субъект терпения не имел не только возможности, но и надежды изменить. Терпение в этих условиях оказывалось несовместимым с надеждой и противопоставленным ей. Так, например, по мнению Б. Рассела, вся этика стоиков «призывала скорее к терпению, чем к надежде» [4, с. 254].

Напротив, христианство возвело терпение в норму повседневной жизни и сделало надежду обязательным условием терпения, придающим ему смысл. Целью терпения и одновременно объектом надежды стало достижение справедливости. В текстах Нового завета терпение неоднократно упомина-

нается как залог справедливого вознаграждения – спасения души: *Терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное* (Евр., 10, 36), *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк., 21, 19), блаженными оказываются те, кто, *услышав слово* (божье), *хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении* (Лк., 8, 15). В качестве примера терпеливого отношения к страданиям приводится сам Господь, который *долготерпелив и многомилостив* (Пс., 102, 8). Напротив, *тупое*, лишённое надежды *терпение* превращается в дурную бесконечность бессмысленного ожидания.

На помощь надежды в преодолении жизненных тягот указывают многие русские пословицы: *Счастье скоро покидает, а добрая надежда – никогда; Дай справиться: и нам будут кланяться; Не все ненастье – будет и ведро; Взойдет солнышко и к нам на двор; И на нашей улице будет праздник; Доведется и нам свою песенку спеть; Оттерпимся – и мы люди будем*. Для православного человека надежда связана с представлениями о Божьей милости и рациональном устройстве его мира, поэтому пока *Жив Бог, жива надежда моя; За терпенье Бог дает спасенье; Дал Бог денечек* (или: *роточек*), *даст и кусочек; Бог даст день, даст и пищу; Бог дал живот, даст и здоровье; Бог дал здоровья, даст и счастья; После дождичка даст Бог солнышка* и т.д. Вера в разумное устройство Божьего мира становится основанием надежды и на земную справедливость, в соответствии с которой *Чей черед, тот и берет; Все идет в свой черед; Дождик вымочит, а солнышко высушит; Сегодня мне, завтра тебе; По людям пойдет (черед), и до нас дойдет; Придет время – будет и наш черед; Дождемся поры, так и мы из норы*.

В русском православном обществе терпение становится одной из норм отношения к жизни, с точки зрения которой может быть оценено поведение любого субъекта. Способность к терпению может (и должен в определенных ситуациях) проявлять любой взрослый человек, хотя некоторые *нетерпеливые* люди просто не желают или не умеют ею пользоваться. Вместе с тем способность терпеть не является врожденной, а приобретает с опытом. Христианские богословы определяют его как «опыт неполучения или слишком медленного получения того, о чем просишь, когда устаешь ждать и даже надеяться» [5, с. 191]. Терпению учит сама жизнь, вынуждая человека переносить разного рода неблагоприятные воздействия и вырабатывая у него таким образом определенный навык, привычку проявлять терпение в определенных обстоятельствах, быть *терпеливым*.

Способность терпеть характеризуется в русском языке по нескольким основаниям, что проявляется в использовании для обозначения этой способнос-

ти разных слов. Так, например, исследователи отмечают, что словом *терпение* обозначается «временная способность: субъект может в одних обстоятельствах обладать терпением, а в других нет; *терпеливость* – это постоянное свойство личности, черта характера», кроме того, *терпеливость*, в отличие от *терпения*, предполагает «некую среднюю житейскую норму – не слишком сильную боль, не слишком большие страдания и т.п.» [1, с. 439]. Таким образом представления о **норме терпения** связаны с интенсивностью и продолжительностью неблагоприятного воздействия.

Способность человека терпеть воздействие отрицательных факторов ограничена как силой, так и длительностью такого воздействия. Значимость этих параметров подтверждается, на наш взгляд, тем, что преодоление интенсивного, но непродолжительного воздействия чаще обозначается в русском языке глаголом *стерпеть* (напр.: *стерпеть оскорбление*), в то время как преодоление продолжительного воздействия – глаголом *вытерпеть* (напр.: *вытерпеть все унижения*). Поведение субъекта терпения и оценка этого поведения в социуме зависят от того, какого рода негативному воздействию – чересчур интенсивному или чересчур продолжительному – он подвергся. При оценке поведения человека, подвергнутого чрезмерно интенсивному отрицательному воздействию, социум, как правило, представляет его как пассивный (страдательный) объект (напр.: *потерпеть кораблекрушение, терпеть страдания, убытки*). При этом субъект оценки – социум исходит из представлений об ограниченных возможностях человека, вследствие чего чересчур интенсивное воздействие может быть воспринято им как *нестерпимое, непереносимое* (т.е. такое, которого нельзя терпеть), а последствия такого воздействия могут оказаться губительными для объекта: *Терпя, и камень треснет; Не под силу воз, так и гужи пополам; Поневоле конь гужи рвет, коли мочь не берет* (ср. также: *От избытка уста глаголят; Молчан-собака* (т.е. не лающая) – *да и та, терпя, вавкнет*).

Чересчур интенсивное негативное воздействие связано для русского православного человека с понятием мученичества. Мученики-*страстотерпы* способны перенести страдания, невыносимые для других людей, благодаря своей вере, а также Божьей помощи. Однако их терпение значительно превышает установленные для человека нормы и может быть идеалом, но не образцом для подражания. Вследствие этого человек, *не вытерпевший* мучений, заслуживает сострадания, но не порицания со стороны общества.

В русской языковой картине мира терпение получает нормативную оценку чаще всего не в связи с интенсивностью негативного воздействия, а с

точки зрения продолжительности нежелательного для субъекта состояния и способности или же готовности человека переносить такое положение (напр.: *долготерпение, безграничное (бесконечное) терпение, оттерпеться*). При этом продолжительность терпения может рассматриваться в русском социуме, во-первых, в связи с временными или качественными границами негативного воздействия, во-вторых, в аспекте общепризнанной нормы и, в-третьих, с точки зрения идеала.

При оценке терпения с точки зрения продолжительности сопротивления субъекта негативному воздействию или готовности субъекта терпеть нежелательное для него положение чрезвычайно важной оказывается предшествующая или сопутствующая такому положению дел работа сознания, заключающаяся в прогнозировании временного предела ситуации, требующей от субъекта способности терпеть. Для достижения желаемых перемен субъект должен ожидать прогнозируемого результата, не делая попыток форсировать события. В этом ожидании и заключается в данном случае работа терпения. Спрогнозировать будущие события человеку могут помочь знания об обычной логике развития того или иного типа ситуаций, например, о том, что *После цветку наливи; Деревья скоро садыт, да не скоро с них плод едят; Зима пройдет, и снег сойдет, а что посеяно – взойдет* (ср. также: *Не срывай яблока, пока зелено: созреет – само упадет*).

Прогнозированию поддаются и события социальной жизни, если они закономерны для данного типа общества: *Не быв звонарем, не быть и пономарем; Подрастешь – свое наживешь; Еще молодень, доживешь до денег; Дай всякому делу перебродить на своих дрожжах* и т.д. Прогнозируемость событий в этой сфере нередко связана с представлениями о справедливости: ожидаемые субъектом перемены настанут в положенное для них время, однако улучшение своего положения необходимо заслужить, проявив терпение и трудолюбие: *Ешь горькое, доберешься и до сладкого; Хотя с нуждою, а добыюшь чести; Терпенье и труд все перетрут; Терпя, в люди выходят; Терпи, казак, атаманом будешь* и т.д.

Прогнозируемость того или иного события или состояния, требующего от человека умения терпеть, позволяет определить пределы терпения в каждой конкретной ситуации. Эти границы могут совпадать со временем наступления желаемого события или прекращения неприятного воздействия (напр.: *дотерпеть до конца, перетерпеть ночь, претерпеть наказание*. Ср. также: *Кусают и комары до поры; Час терпеть, а век жить; Дай срок, будем мы и сами с усами*). Однако в некоторых случаях граница терпения устанавливается самим

субъектом: в ситуациях, когда сила негативного воздействия незначительна, человек может *притерпеться* к своему положению, а также *перетерпеть* свое желание (напр.: *перетерпеть жажду*, ср. также: *На хотенье есть терпенье*).

Участие работы сознания препятствует отождествлению терпения с животной покорностью. Однако ошибки в прогнозировании пределов терпения в том или ином конкретном случае или отсутствие прогноза и неверное определение степени достижимости ожидаемого результата действительно способны лишить терпение смысла. Иронические советы *Век ждать – век прождать*, а также: *Жди, чего-нибудь дождешься; Жди. – А там что? – Закладывай санки да поезжай в жданки; Не робей: жди, не спотыкаючись* (т.е. не задумываясь); *Коли тут житья нет, так жди перевода на тот свет; Жди, коли дождешься; Тяните жилы, куда живы, а порвались – не годились* адресуются именно тем субъектам терпения, кто не смог правильно оценить ситуацию с точки зрения степени возможности реализации своих желаний, вследствие чего их надежды не могли быть осуществлены.

Для русского человека *Терпеть – не беда, было б чего ждать* (ср. также: *Ждать – не устать, было б чего искать; Погодить – не устать, было бы потерпешное* (плата за терпение); *Ждать воды – не беда, да пришла бы вода; Не устать ждать, только бы выждать*). И, напротив, *Тяжело ждать, как ничего не видать*, т.е. нет надежды на желательные для субъекта положительные изменения. Если длительность ожидания ограничена не естественными пределами нежелательного состояния, а другими сроками (например, продолжительностью человеческой жизни), терпение также утрачивает смысл и становится безнадежным: *Пока зацветут камыши, у нас не будет души; Пока кишка по урядью пройдет* (т.е. дело по судам), *нас и скрючит и распучит; И наша правда будет, да нас тогда не будет; Много надежды впереди, а смерть на носу* (или: *за плечами*). Вместе с тем человек не всегда способен правильно спрогнозировать результаты процессов и явлений, требующих от него терпения. Поэтому возможны ситуации, когда надежды субъекта терпения не сбылись и ожидания оказались бесплодными: *Служила сорок лет, выслужила сорок реп, да и тех нет; Ждали обозу, а дождались навозу; Много доуки, да нечего в руки; Что было муки, что доуки, а ни аза, ни буки; Ждать-то ждали, да жданки и съели*.

Использование слова *терпение* с определениями *беспредельное, бесконечное, безграничное* свидетельствует о том, что в сознании носителей русского языка присутствуют представления о наличии у терпения объективно обусловленных внутренних

границ, отсутствие которых воспринимается как аномалия. Эти границы являются общими для всех людей (допуская, конечно, некоторое индивидуальное варьирование) и определяют пределы нормы. Субъект, не соблюдающий принятую в социуме норму терпения, оценивается как *нетерпеливый*. Напротив, субъект, способный выдержать более длительное негативное воздействие, чем остальные, получает определение *терпеливый, долготерпеливый* или даже *обладающий безграничным, беспредельным терпением*. Люди, чья способность терпеть соответствует норме, могут при чрезмерно интенсивном и/или длительном воздействии временно утратить эту способность, *потерять терпение, выйти из терпения*. Как было сказано выше, в таких ситуациях поведение даже *вышедшего из себя* человека оценивается социумом в большей степени сочувственно, чем негативно. Напротив, осуждению со стороны социума подвергаются нарушители нормы, которые *испытывают чье-л. терпение*. С точки зрения русского человека, более простительно в сложных ситуациях *выходить из себя*, чем *выводить из себя* кого-либо другого, лучше *потерять собственное терпение*, чем *испытывать чужое*. Заслуживает внимания тот факт, что поведение человека, потерявшего терпение, в русских пословицах нередко объясняется поиском границ, за пределами которых он оказался, или попытками установления новых границ превышенной им нормы терпения в виде конца, предела, напр.: *Хоть бы уж один конец; Уж чему быть, тому быть – только бы конец видать; Хоть топором отрубить, только бы конец; Хоть голову с плеч (или: ссечь), да один бы конец; Лучше пропасть, чем терпеть злую напасть*.

Безрезультатное терпение воспринимается отрицательно как самим субъектом терпения, так и внешним наблюдателем-социумом; оно вызывает разочарование и сожаление о потраченном зря времени и силах. Однако в некоторых случаях терпение, не приносящее ощутимого результата и в силу этого превышающее норму, оценивается в социуме положительно. Этот вид терпения в христианском богословии называется *долготерпением* и проявляется в постоянном и длительном перенесении какого-либо тягостного, утомительного воздействия, например, «проявлений уродливого характера тяжело психически больного родственника, где даже и благодарности ждать невозможно – ни от кого и никогда» [5, с. 194]. Вместе с тем «долготерпение отличается от терпения не просто более долгим сроком», оно является «совершенством и как бы иным качеством терпения» [там же].

Новое качество терпения проявляется в данном случае в том, что целью его является не какой-то конкретный результат (например, преодоление не-

гативного воздействия), а соблюдение этической нормы, того идеала, который Платон назвал существующим ради себя самого, а не в качестве индивидуальной цели какого-либо субъекта. Пределы долготерпения превышают границы общепризнанной нормы, и поэтому его соблюдение не является обязательным в условиях реальной жизни. Долготерпение является атрибутом Бога и в гораздо меньшей степени свойственно людям.

Необходимо отметить, что мировоззренческие, религиозные и этические идеалы, лежащие в основании терпения и побуждающие его субъекта сопротивляться воздействию разрушительных для них факторов, в большинстве случаев не осознаются носителями этих идеалов в качестве стимулов к проявлению терпения. Так, например, долготерпение, с точки зрения носителей русского языка, не является идеалом терпения, но характеризуется ими просто как способность долго терпеть, терпеливость (это значение отмечено у слова *долготерпеливый* и в современных толковых словарях, и в словаре В.И. Даля).

Одним из немногочисленных проявлений связи между терпением и идеалом в семантике лексических единиц можно назвать значение вышедших из употребления глаголов *оттерпеть* – «перестать терпеть, освободиться от гнета, беды и т.д.» (напр.: *оттерпеть свое*), и *оттерпеться* – «вытерпеть, вынести все испытание сполна» [6, с. 761]. Названные слова относятся к группе глаголов финитивного (окончательного) способа действия, обозначающих прекращение продолжительного, длившегося определенное время действия, освобождение от него [7, с. 530], доведение действия до абсолютного конца, когда оно прекращается вследствие полной исчерпанности, в данном случае в связи с достижением результата.

Прекращение необходимости терпеть, обозначенное глаголом *оттерпеться*, связывается не с преодолением внешнего воздействия (как в глаголе *перетерпеть*) и не с превышением им общепризнанной нормы (ср.: *выйти из терпения*), а с изменениями в самом субъекте терпения, достижением им качественно нового состояния (напр.: *Оттерпимся – и мы люди будем*) или внутренними преобразованиями, изменившими отношение субъекта к самому негативному воздействию (напр.: *Лихо терпеть, а оттерпится – слюбится*).

В связи с этим можно предположить, что в сознании русского православного человека существовали представления о некоторой индивидуальной норме положенных ему испытаний, которые необходимо вынести в течение жизни, иначе *Каково-то будет на том свете оттерпливаться!* Дстойное и безропотное преодоление трудностей обучает человека необходимому терпению. Представления о

заданности (Богом) и внешней нормированности границ терпения отражают его религиозно-этическую оценку, в соответствии с которой терпение само по себе обладает высокой нравственной ценностью, если оно «оправдывает промысл Божий, посылающий скорби, и сами страдания почитает не только заслуженными, но и нравственно необходимыми» [5, с. 192]. Поэтому, по мнению православного человека, *Подумаешь – горе, а раздумаешь – воля Господня*.

Самостоятельная ценность терпения как сознательного и безропотного принятия человеком выпавших на его долю испытаний придает терпению свойства идеала, благодаря чему терпение приобретает смысл даже в том случае, если не дает явных результатов. Этот смысл выражается в нравственных изменениях, происходящих в субъекте терпения, приобретении им опыта терпеливого отношения к жизненным невзгодам и обучении смирению (ср.: *Бог терпел и нам велел*). Поэтому, с точки зрения христианина, терпение никогда не бывает бесплодным: *Оттерпимся – до чего-нибудь дотерпимся*.

Человеку, незнакомому с идеологией христианства, терпение, не направленное на достижение какого-либо очевидного результата, представляется *рабским, тупым и бессмысленным*. Однако в действительности целью христианского терпения является приближение к Богу, которое достигается с выполнением заданной им нормы терпения. Верующий человек знает, что его страдания преходящи и будут вознаграждены: *Терпи горе неделю, а царствуй год*.

Однокоренное с глаголом *терпеть* слово *терпимость* производно от одного из оттенков значения этого глагола, а именно «мириться с существованием чего-л.», в то время как антонимичное ему выражение *не терпеть* означает «не допускать наличия или возможности чего-л.» [2]. Ситуация терпимости возникает в том случае, когда ее субъект, оценивая какое-либо явление как негативное, не выражает этого отношения прямо. Причиной отрицательной оценки является в данном случае то, что лицо, предмет или явление, ставшие ее объектом, не соответствуют идеалам, имеющимся у субъекта оценки. Так, например, субъект *веротерпимости* полагает, что представители религий, которых он не исповедует, избрали своим идеалом недостойный этого предмет, что обуславливает их «неправильное», с его точки зрения, поведение. Такое несоответствие истинному идеалу вызывает у его приверженцев желание исправить ситуацию, например, обратить заблуждающихся в свою веру. Однако достичь этого результата доступными ему средствами субъект не может и поэтому вынужден *терпеть*, т.е. мириться с существующим положением дел.

Точно так же социум, идеалом которого является целомудрие, может оказаться вынужденным мириться с проституцией, однако его негативное отношение к этому явлению отражено в наименовании *дом терпимости*.

Примечательно, что характер идеала и степень приверженности ему субъекта оказываются непосредственно связанными со способностью этого субъекта проявлять терпимость. Так, например, русский философ И.А. Ильин полагал, что «православная терпимость – как и русская терпимость, происходит, может быть, просто-напросто вследствие великого оптимизма: правда все равно свое возьмет – и зачем торопить ее неправдой? Будущее все равно принадлежит дружбе и любви – зачем торопить их злобой и ненавистью? Мы все равно сильнее других – зачем культивировать чувство зависти? Ведь наша сила – это сила Отца, творящая и хранящая, а не сила разбойника» (Цит. по [8, с. 37]). Русская веротерпимость нашла отражение в пословицах: *Все один Бог, что у нас, что у них* (у иноверцев); *Веру переменить – не рубашку переодеть; Менять веру – менять и совесть; Все под одним Богом ходим, хоть и не в одного веруем*.

В отличие от терпения, терпимость оценивается положительно в любом социуме. Это обусловлено тем, что субъект, именуемый себя *терпимым*, таким образом заявляет о том, что является носителем норм и принципов, совпадающих с принятой в данном социуме идеологией, но при этом допускает и существование других идеалов. Не разделяя этих идеалов, он, тем не менее, не считает их наличие поводом для конфликта с идейными противниками.

Однако при оценке терпимости как свойства субъекта необходимо учитывать и то, что за обозначением *терпимость* иногда скрывается равнодушие. Настоящей терпимости, как и терпению, чуждо равнодушие, поскольку ее объект сам по себе является источником беспокойства для субъекта терпения. В отличие от терпимого, равнодушный человек, даже если он называет себя *терпимым*, в действительности не испытывает беспокойства из-за существования чуждых ему идеалов не потому, что согласен мириться с ними, а вследствие того, что в действительности собственных идеалов в данной сфере у него нет. Отсутствие идеалов, лежащих в основе терпимости, становится причиной беспринципного отношения субъекта к миру и создает почву для попустительства и вседозволенности. Между тем идеологическая опустошенность человека, в какой бы форме она ни выражалась – беспринципности, вседозволенности, попустительства или либеральничанья, – не имеет ничего общего с терпимостью, первоосновой которой является глубоко скрытый конфликт разных

мировоззрений и идеологий. Поэтому терпимый человек, в отличие от беспринципного или равнодушного, не только мирится с существованием враждебной ему идеологии, но и учитывает возможность посягательства на свои идеалы со стороны противника.

Различие между терпимостью и равнодушием, выражающимся в попустительстве идейному противнику, всегда ясно осознавалось в русском социуме. Терпимость с его стороны проявлялась в миролюбии, стремлении избежать конфликта (напр.: *Худой мир лучше доброй ссоры; В мире жить – с миром жить; Хоть собой поступишь, да помирись*). С другой стороны, излишний либерализм всегда получал в русском обществе отрицательную оценку, критерием которой чаще всего становился ущерб от попустительства, напр.: *Кобыла с волком мирилась, да домой не воротилась; Дай ему потачки, так и сам от него на карачках; Дай воли на палец – всю руку откусят; Пусты козла в огород – яблонь страхом не огородишь; Ему дай волю, а он две возьмет; Где потачка, там и повадка; Вора миловать – добро погубить*.

Сделанные наблюдения позволяют сделать вывод о существовании в коллективном сознании русского социума двух оснований нормативной оценки терпения, а именно нормы и идеала. В то время как с позиций нормы оцениваются чаще всего количественные характеристики терпения, его интенсивность и продолжительность (напр.: *долготерпение, безграничное терпение*), объектом оценки с точки зрения идеала становятся свойства самого субъекта терпения. Неспособность субъекта терпеть негативные воздействия или проявлять терпимость в отношении тех явлений, с которыми готово мириться общество, обычно воспринимается этим обществом с неодобрением, как *нетерпеливость* или *нетерпимость*. С другой стороны, неспособность или нежелание субъекта защитить принятые в обществе идеалы также получает в социуме отрицательную оценку, причем ответственность за нарушение требований идеала возлагается в равной степени и на их нарушителя, и на того, кто излишней терпимостью способствовал их несоблюдению: *Кто злым попускает, сам зло творит; Вору потакать – что самому воровать; Не вор ворует, а поноровщик*.

Литература

1. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1984.
3. Платон. Диалоги. М., 1986.
4. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1997.
5. Свешников В., протоиерей. Очерки христианской этики. М., 2001.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1956.
7. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1997.
8. Платонов О.А. Русская цивилизация. М., 1995.

Т.Н. Александрова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СТРУКТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Вопрос о семантических особенностях отсубстантивных прилагательных представляет собой одну из интереснейших проблем словообразовательной семантики. Многие исследователи, занимавшиеся этой проблемой, отмечают, что прилагательные указанной категории обладают неким общим значением отношения и потому всегда могут быть описаны формулой – «имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим существительным», например, *профессорский* – ‘имеющий отно-

шение к профессору’. Отмечается также, что для прилагательных указанной категории характерны многообразные конкретизации выражаемого в них общего значения отношения к предмету. Конкретизации эти выявляются, как правило, контекстуально, в сочетании прилагательных с разными определяемыми существительными. Например, в сочетании *мужские виды спорта* конкретизацией общего значения отношения является значение предназначения ‘предназначенный для того, кто назван мотивирующим